

Артём ТИХОМИРОВ*г. Тюмень*

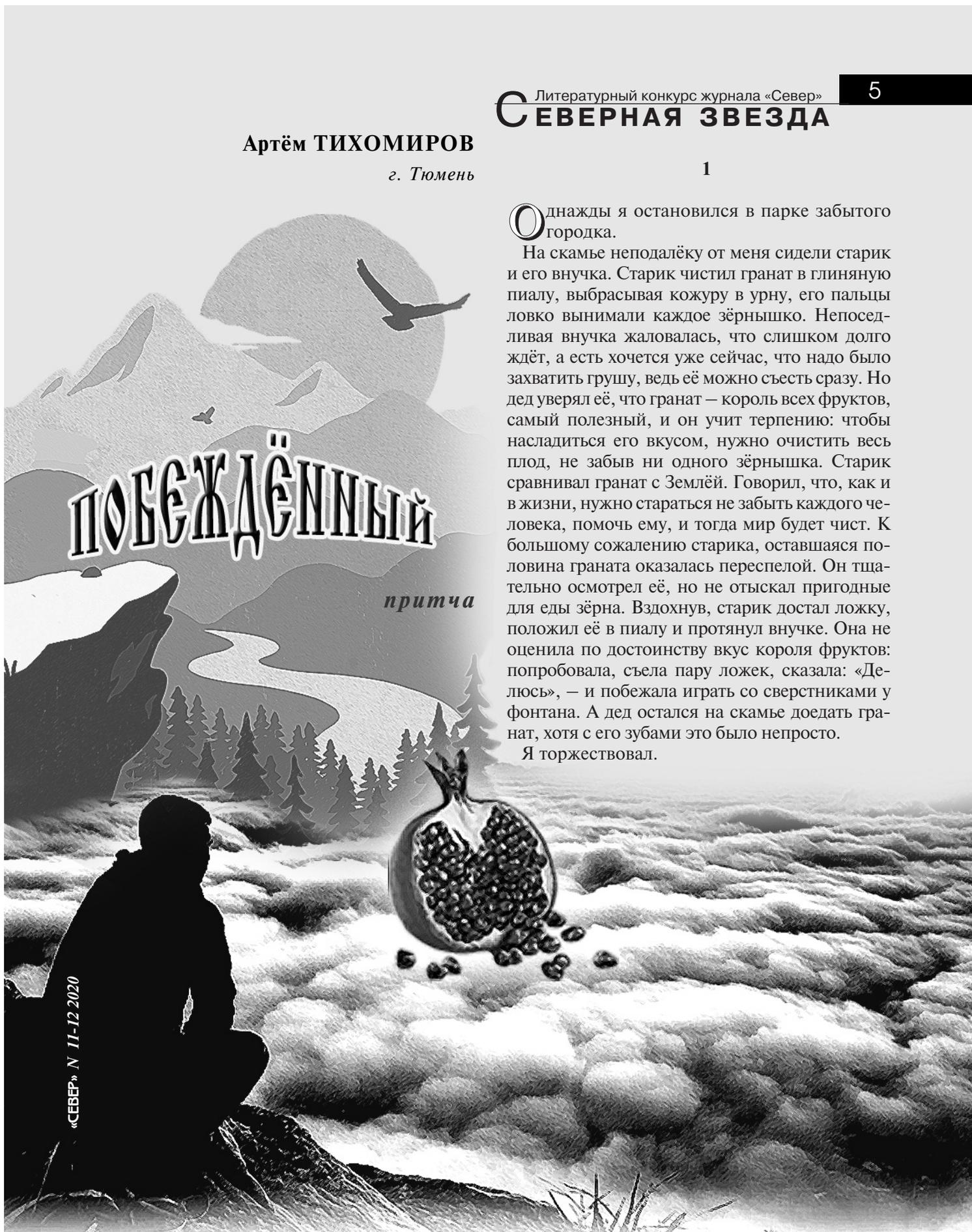
1

ПОБЕЖДЁННЫЙ*притча*

Однажды я остановился в парке забытого городка.

На скамье неподалёку от меня сидели старик и его внучка. Старик чистил гранат в глиняную пиалу, выбрасывая кожуру в урну, его пальцы ловко вынимали каждое зёрнышко. Непоседливая внучка жаловалась, что слишком долго ждёт, а есть хочется уже сейчас, что надо было захватить грушу, ведь её можно съесть сразу. Но дед уверял её, что гранат – король всех фруктов, самый полезный, и он учит терпению: чтобы насладиться его вкусом, нужно очистить весь плод, не забыв ни одного зёрнышка. Старик сравнивал гранат с Землёй. Говорил, что, как и в жизни, нужно стараться не забыть каждого человека, помочь ему, и тогда мир будет чист. К большому сожалению старика, оставшаяся половина граната оказалась переспелой. Он тщательно осмотрел её, но не отыскал пригодные для еды зёрна. Вздохнув, старик достал ложку, положил её в пиалу и протянул внучке. Она не оценила по достоинству вкус короля фруктов: попробовала, съела пару ложек, сказала: «Делюсь», – и побежала играть со сверстниками у фонтана. А дед остался на скамье доедать гранат, хотя с его зубами это было непросто.

Я торжествовал.

Зоб — мой вечный спутник, единственная моя компания в скитаниях. Вот и сейчас Зоб щиплет траву, он знает, что в этом неплодородном краю нескоро перепадёт что-нибудь пожевать. Ветер сыплет в нас песком, треплет на мне серые лохмотья, раскачивает груз на хребте коня. Мы ненадолго останавливаемся, чтобы выбрать дорогу, затем копьём я указываю путь Зобу. Он понимает.

С тех пор как мы в пути, нам часто не везло. Истощённый ежедневными переходами, измученный палящим солнцем, конь совсем обессилел. Нам не удавалось пересечь долгие подъёмы в горы и срезать путь. А однажды на нашем пути встала река, мы нашли место, где она уже и мелководнее. Я решил перейти её вброд, но поток был бурный, а Зоб слишком слаб, так что я не решился вести его дальше и повернул назад. Уверен, мы смогли бы перейти эту реку, но я слабоволен. Даже если бы нас унесла река, мы бы всё равно нашлись спустя какое-то время. Так было всегда. Я долго корил себя за эту слабость, ведь я был уверен, но отступил.

Однажды мне повстречался одинокий путник. Когда мы поравнялись, я увидел старика в затасканной одежде и бейсболке. Обросший, немый, он брёл, по возможности сторонясь автомобильных дорог, укрываясь от солнца в тени деревьев. Я редко встречаю таких людей, как он, — бродяжников без оков. Теперь я шёл рядом с ним. Старик не испугался ни меня, ни холода ночи, — страшнее ему было не дойти. Он знал, что нужно двигаться вперёд, ибо позади уже ничего нет. Трагедия заключалась в том, что старик также знал: и впереди ничего нет, — но он предпочёл движение смиренному ожиданию.

Мысленно я назвал старика Собирателем. Он напомнил мне людей, которые ходили от одного богатого плодами ареала к другому и не знали, что принесёт им завтрашний день, — они надеялись на лучшее и берегли то, что дала им земля.

Иногда он как будто с кем-то разговаривал, но никого, кроме меня и Зоба, поблизости не

было. А он всё нашептывал себе под нос, и иногда это переходило в напев, напоминающий шелест листвы. Старик мог идти весь день, перекусив всего раз за сутки, а к ночи он забредал в подлесок, расстилал тонкое одеяло, заворачивался в него и засыпал.

Он рассказывал, что ему снились светлые сны: в них он ребёнок, рядом любящие отец и мать, являлась и та, что сделала его жизнь осмысленной, а ещё люди, которых он любил сильнее жены, хоть и редко это показывал — во снах внуки делились с ним мандаринами. Когда старик просыпался, он умывался росой и, пожевав чего-нибудь из скудных запасов, продолжал путь.

Иногда, поравнявшись с нами, останавливались машины, и молодые спрашивали у старика, всё ли у него в порядке, не надо ли подвезти. Тот неизменно отвечал: «Всё хорошо», — и отказывался. Некоторые интересовались, куда он идёт. «К морю, — отвечал старик, — увидеть напоследок». «Отчего дома не сидится? Почему с огородом и внуками не возишься?» — допытывались другие. Отвечал старик: «Зачем мне дом да огород, когда и внуков уж нет?» Молчали многие, иные протягивали ему еду. Редко кто спрашивал: «А что там, у моря?» Тем был ответ: «Там я начал жизнь». Незнакомцы желали старику удачи и уезжали.

Старик шёл к морю, по пути он выполнял простую работу в обмен на пищу, а где-то его кормили бесплатно. Долго мы держались вместе, полюбился мне этот старик, но в конце концов дороги наши разошлись. Мне — на юг, через горы, ему — на запад, к морю.

После разлуки несколько ночей мне снился сон: старик, сидящий на вершине горы, глядит вниз, на море, подставляя ветру морщинистое лицо. Поначалу он, улыбаясь, вспоминал всё, что было с ним на море, говорил: «Так вот, мои хорошие, какое оно...» Затем старик оглядел берег: там развлекались туристы и вели себя так, словно море придумали для их капризов и нет других людей вокруг, нет кораблей, моряков и рыбаков, сгинувших в море, равно как нет старика, его жизни, любви, воли, с которой он преодолел все испытания, нет его счастья, нет скорби. Во сне я оставлял его на горе одно-

го, сидящим на камне у моря, которое должно исцелить его раны, а под горой толпа топтала उसे чаюния. Старик плакал.

Нет, не хочу о том сне, — лучше буду вспоминать старика Собирателя или тех героев, добровольно избравших меня причиной своей смерти. Что можно сделать такому человеку? К нему не применишь силу, ведь он никому не мешает и ничего не натворил. Только выбор, как умереть, противодействует тому, что не может принять его честь. Можно смотреть, как человек худеет, пока не отощает до костей, обтянутых кожей, и умрёт, когда не выдержит сердце. Как можно не уважать этих людей и их смерть?

3

Всё время, что я скитался по большому материку, меня, как и старика, преследовала неотступная тоска по морю. Люди — выходцы из моря, и не только они. Я помню, как вышел из моря сам. Помню, как поднимался из недр земли через жерла вулканов, а затем заполнял дно моря, подталкивая развитие жизни. Я стоял у её истоков. Возможно, самым большим моим достижением и провинностью стало становление человека. Ещё не изгнаны были дети Божьи из райского сада, а по земле уже бродили их подобия — моё порождение.

Мысли об этом навещали меня часто во время скитаний. Спасти от них не удавалось даже во снах, где я брёл по опустевшим городам, занесённым песками, среди изъеденных ржавчиной автомобилей и мёртвых деревьев. Я бесцельно созерцал унылый пейзаж пустыни, шёл по холмам из пепла, дюнам из пыли, дорогам, устланным костями, рекам иссохшим. Я приближался к чему-то могущественному, неодолимому, отчасти порождённому мною. На своём вороном коне, вооружённый давно затупившимся копьём, я шёл на неравный бой.

От таких снов я резко просыпался и долго не находил покоя. Затем будил коня, взбирался на него, и мы уходили. Тоска по морю двигала меня к побережью Атлантического океана на краю чёрного, как Зоб, континента — колыбели моего творения.

В один из дней я повстречал на пути группу богачей. Они охотились на диких животных. В азарте убивали много — ради трофеев. Один из охотников, пристрелив льва, расстроился и сказал: он ожидал, что это будет равная борьба между зверем и человеком, а он убил его с первого выстрела.

В следующий раз охотник в своей самонадеянности подошёл слишком близко ко льву и выстрелил. Попал. Но лев, несмотря на рану, настиг охотника до второго выстрела и растерзал.

Я пожал плечами и оставил растерянных богачей. По мне, всё было честно.

Я много думал о «подобии» и пришёл к выводу, что все живые организмы — хищники. Все равны перед целью выжить... Любая жизнь живёт за счёт другой жизни и поглощает её, паразитирует, обделяет. Всё обратится в прах, удобрит почву и станет пищей для жизни маленькой, лишённой не только амбиций, но и иллюзий...

Жизнь слишком уязвима и, защищаясь, поглощает всё. А я — её оружие.

Немного об устройстве мира.

Люди давно строят теории о том, как появился мир и что за мгла стоит за небесами.

Холод. Невыносимый холод бездействия.

Я представляю себе мир пылающим от бесконечного свершения. Так появился мир и ныне холодеет. Возможно, когда он совсем остынет, то возгорится вновь.

В пламени зерно жизни.

Однажды я был рядом с проснувшимся вулканом. Он грохотал и плевался лавой, а я смотрел, как кровоточит земля. Люди бежали, паника охватила жителей городка, что находился в опасной близости от вулкана. Я же, наоборот, шёл к нему, поднялся к самому жерлу, любовался поднимающимися в небо стенами из огня. Они сияли жизнью и озаряли её всё вокруг. Я протянул руку, она вошла в очередной столп животворящего пламени, и тогда я ощутил еле уловимую пульсацию. Так, в алом свете извержения, несущего гибель

внешней жизни, я отыскал жизнь сокрытую. Глубоко, утробно пульсировало невидимое сердце, со стоном выталкивая на поверхность обновляющее пламя.

Я успел позабыть, как оно значимо.
Не только я.

4

Я видел самую высокую гору в мире. Не ту, о которой говорил раньше, — другую. Сейчас её уже почти и не видно. Но она всё ещё вонзается острым хрупким шпилем в небеса. Облака окутывали её пик, похожий на острие копья. Да, гора всё ещё возвышается над миром, но только в легенде. Ту легенду, прохудившуюся в веках, с проступившими от ненадёжной памяти белыми пятнами, я услышал впервые многие годы тому назад. Она захватила меня, в ней крылся ключ к тайне, занимающей не один пытливый ум.

Некогда эта гора была столь высокой, что считалось, если взобраться на её вершину, можно уйти за грань мира. Многие пытались, но они вернулись, а те, кто не вернулся... Кто знает их судьбу? Люди, жившие у той горы, верили, что когда-нибудь с неё явится посланник и поведает миру его судьбу — подарит пламя прозрения.

И он явился. Сияющий, словно отлитый из золота, посланник снизошёл на вершину. То был ребёнок. Мальчик. Он сиял так ярко, что снизу его заметили жители поселения. Солнце опустило его на гору на своих лучах, а потом они лоскутами посыпались к подножью её. Одна девочка собрала обрывки, чтобы вручить их посланцу, когда он придёт в их селение.

Но мальчик не мог спуститься с горы и долго оставался её узником. Девочка, что собрала лоскуты от солнечных лучей, сшила из них плащ и с птицами передала одеяние на вершину горы. Когда приходили зимы, посланник согревался им. Шло время. В очередную зиму морозы стояли такие лютые, что жители поселения начали замерзать. У них и по всей округе кончились дрова, нечем было

греться. От холодов заболела и та самая девочка. Она чахла без тепла и должна была скоро умереть. Птицы принесли эту весть посланцу, и тогда он ринулся вниз, с горы: ярким лучом скользнул по её краю, вонзился копьём из молний в её основание. И запылало в том месте чудесное пламя, оно согрело всё вокруг. Согрелись и жители, исцелилась девочка. Так ярко пылало это пламя, что никто не мог смотреть на него. Когда зима кончилась, пламя погасло, оставив после себя вместо золы плащ из солнечных лучей. Девочка сохранила его на всю жизнь, но, когда она умерла, плащ рассыпался на жёлтые ленты, их развеяло ветром.

С тех пор я стал внимательнее вглядываться в молнии, изучать места, куда они бьют. Там замечал следы, похожие на проступившие от напряжения вены, и ощущал близость ключа к вопросу о движущей силе, — силе, что создаёт и меняет. Я подобен ей. Но властен только над жизнью.

Действительно ли властен? Или я всего лишь стеклянный наконечник после разряда? Копьё в чьей-то руке?

Власть. Если бы я только мог обменять её на возможность стать подвластным морем, беспечным камнем, тугой молнией...

Как и мои собратья, я часто, может, даже чаще их, задумываюсь над своим предназначением. Придя в мир после смерти, я наравне с Ним стал направлять эволюцию. Вся жизнь была связана мной в один зависимый цикл. Я радовался, глядя на развитие, и большую радость испытал, когда состоялся человек.

Со временем я принимал множество форм, чуждых моему естеству, а для людей я со своей главной задачей стал бесполезен.

Грядёт конец. Всё канет в хаос непознаваемый, там не найдётся места ни мне, ни братьям моим, ни небу и тьме, что стелется над ним, не будет там ни времени, ни разума, да и вообще самого места не найдётся, нечего будет искать. Всё будет просто и ясно, но познать это будет некому.

5

Скитаясь с Зобом по миру, мы наткнулись на одну деревню. Исхудавшие старики и дети вповалку лежали в тени большого навеса. Душный запах грязной больной плоти исходил от них. Рядом с умирающими сидела женщина, она бессмысленным взглядом смотрела на песок, редкие деревья вокруг. Женщина сказала, что остальные ушли на поиски пропитания.

Я спешился, снял с Зоба сумку и достал из неё весы. Повесил чаши на цепочки, опустил перед ребёнком на колени, поставил весы рядом. Я выдернул у мальчика волосок с головы, положил его на одну чашу, затем сорвал свой волос примерно такой же длины и положил его на другую чашу. Чаши, едва дрогнув, замерли: мой волос оказался тяжелее. Я разобрал весы и убрал их в сумку. Отвёл коня в тень ближайшего дерева и сел ждать рядом с ребёнком.

Племя вскоре вернулось. Мужчины с трудом несли раненого. У дальней реки, к которой пришлось идти за водой, потому что их небольшая речка пересохла, одному охотнику не повезло: он сам стал жертвой. Крупный крокодил ринулся из воды и попытался утянуть мужчину в реку, но соплеменникам удалось отбить его. Их копья не нанесли большого вреда хищнику, но сам он изодрал ноги охотнику. Мужчину уложили в стороне, чтобы стоны не беспокоили остальных.

Скоро в поселение вернулись и женщины. Они ходили на запад, теперь несли оттуда немного трав, чтобы измельчить, смешать с водой и дать страждущим.

За раненым ухаживали, но, промучившись, он умер совсем скоро. Его мёртвая плоть могла бы стать спасением для соплеменников. Но нет. Это табу, — признаться, я был рад этому.

Потом наступил другой вечер, близилась ночь. Я по-прежнему сидел под деревом рядом с умирающим ребёнком. Мальчик слабо шевелил губами, не в силах издавать звуки. Рядом все спали. Спала и та женщина, что следила за истощёнными. Теперь я был с мальчиком один на один. Я приставил копьё к его груди, под ребро, туда, где сердце, выдер-

жал несколько секунд. Ребенок открыл глаза, он видел меня. Он всё понял.

Меня мучила жалость, я был в сомненьях. Мне хотелось броситься к коню, стянуть с него тук с заветным сокровищем — лучистым медовым яблоком. Я храню его с давних времён, поражённый его красотой и внутренней силой. Оно могло бы спасти ребёнка: нужно отрезать кусочек яблока, поднести к его губам и ждать чуда. Но я стою в нерешительности. Не в моей власти творить чудеса. Я дерзнул и больше не смею. Потому я нажал на копьё, нацеленное в сердце мальчика, — я подарил ему избавление. Он умер, не сводя с меня глаз, и я не могу опустить его веки — это удел смертных.

Возвращаюсь к дереву, возле него всхрапывает Зоб. Ложусь рядом с ним спать. Скоро предстоит много работы.

Редко, но меня подтачивает жалость к тем, кто уходит из жизни из-за меня. Сожаление есть, но не жалость.

К слову, о сожалении... Однажды я обосновался в городе из золота и камня. Его взяли в осаду. Горожане долго сопротивлялись попыткам врага захватить город. Но скоро их волю начал терзать я. Некоторые сдались: кто нарочно нашёл смерть в сражении, кто оборвал свою жизнь сам, — но большая часть защитников продолжала держать оборону.

Спустя месяц я гулял по обезлюдевшему городу, переступал через трупы. Неужели я ступил всех? На то не моя воля, но я не жалел никого. Глядя на никчёмную теперь роскошь каменного замка со шпилями, я сожалел. Некогда соборы, дворцы, статуи и даже вяз оконной решётки и узор ограды многогласно общались с людьми. Теперь они молчат, ведь некому внимать им. Среди онемевших посланий, с потаённой надеждой ожидающих адресата, я чувствовал сожаление. Чувствовал его и когда захватчики вошли в мёртвый город и, выкорчевав всё золото, разорили красоту, а затем предали её огню.

Кто из них знал, что золото блестит лишь на свету?

Разве всё это достойно моей жалости?

6

На следующий день после смерти мальчика я избавил от мучений ещё двоих: старика и ребёнка. В жару, между погребениями люди не отчаивались и опять шли на охоту. Тем вечером им улыбнулась удача: они убили антилопу, принесли её, привязанную к копыю, соплеменникам и приготовили на огне. Люди накормили истощенных, затем ели сами и радовались своей удаче. В ту ночь они уснули спокойно. У меня тоже выдалась спокойная ночь. Я не работал.

На рассвете другое племя вторглось в поселение и убило всех мужчин. Кто-то добил истощённых. Женщин взяли в рабство и увели. Всё. Я вновь один. Среди убитых. Вчера тут ещё слышался редкий смех, дававший надежду.

Я оседлал коня и покинул место бойни. Их убили не ради еды, это мне известно.

Да, человек давно позабыл обо мне. Всё можно купить. И пропадает урожай — много лучистых медовых яблок... Меня вытеснила цивилизация с её искусственно выращенными яблоками, лучистыми, цвета мёда. Они всего лишь пустая подделка.

Скитаясь, время от времени я доставал весы, срывал волосы у жителей тех краёв и взвешивал их, сравнивая со своими. Волос смертного перевешивал. Тех людей я не посещал с их рождения.

Мне всегда казалось, что мой удел — пополнять кладбища, а не свалки. Сам я никогда не окажусь в могиле, однако моё бессмертие меня не утешает. Я обречён быть скитающимся призраком, но этому предпочёл бы смерть.

Бессмертие. На самом деле оно не свойственно ни мне, ни моим братьям. Наше пребывание связано с миром.

*За тенью в тень уйду и я,
И бесконечность ткани бытия
Мне домом станет.*

Кончится мир — уйдём и мы. Такой конец меня не страшит. Я слишком долго скитаюсь и готов признать: это должно кончиться. Такой исход лучше вечной агонии. Но мир, я знаю, переродится. А сам я? Нельзя утверждать.

Беспокоит меня не будущее, а настоящее.

Я не всегда был истлевшим всадником-скитальцем: я был призраком. Не тем, что появляется, когда умирает живое существо, но слово «призрак» наиболее приближённо характеризует мою прошлую форму. Это еле заметная ничтожная точка — искра замысла в голове того, кто ещё только-только сделал шаг к прозрению.

Со временем жизнь раскрывалась во всей своей полноте. Это время изменило и меня. Но теперь я чахну, и — что меня больше всего настораживает — некоторые из смертных могут увидеть меня, как недавно тот мальчик.

Небеса, солнце, плоть мира — это тает... А я проявляюсь. Я вторгаюсь в этот мир, но сам я пришелец из другого мира, с которым всё больше теряю связь.

7

Покинув то уничтоженное поселение, я вновь скитался по земле. Мой конь Зоб взмок на солнце.

Я смотрел по сторонам и удивлялся: картины вокруг как будто не менялись. Неужели мы брели настолько медленно? Мне казалось, мы стоим на месте. Бесплодный край, без воды, без музыки волн, без шумного урчания водопадов. Как же я соскучился по воде!

В одну из ночей мне вновь снились сны... На этот раз трагедия разыгрывалась сначала: земля изрыгала из своего чрева жизнь в мировой океан, взрастила её, а затем уже жизнь вскормила нечто. Это нечто прогрызло землю и спряталось в самом её сердце, оно питалось отбросами и росло до тех пор, пока земное чрево умещало его тело. А затем нечто вышло наружу. Это тоже случилось во сне, когда я вновь ехал верхом на коне по безжизненным городам. Под нами с хрустом переспелого граната рвалась земля, трещины расходились от голого холма, из них поднимались ядовитые пары. А под землёй нечто стонало, рвалось наружу.

Я гадал, как же оно выглядит. И когда оно вот-вот должно было вырваться из-под земли, я проснулся.

Обременённый лишениями и тревожными думами, я двигался ещё три дня. В конце третьего дня я ощутил еле уловимый запах моря. Почувствовал его и Зоб, он воспрял духом и даже прибавил шагу. Спустя несколько часов за очередной дюной голубая полоска превратилась в водную гладь. Мы с Зобом застыли и ликовали безмолвно. Солнце медленно падало в море, и мы провожали его и приветствовали океан.

Я достал из сумки своё сокровище и подставил его лучам уходящего солнца. Совершенное золотое яблоко. Я не мог отвести от него взгляд, наслаждался его совершенством. Как долго я носил яблоко с собой, как долго оберегал... и вдруг разломил его на две части и, словно повинувшись чужой воле, извлёк семена и развеял по ветру. Я был уверен, что в том бесплодном краю семена совершат чудо: край зацветёт и заплодоносит. Вырастет сад, краше которого не будет на земле. Явится человек, попробует народившиеся яблоки, не чудотворные, как мои, но всё же волшебные — и тогда он прозреет, как тот умерший мальчик. Но всё это случится в будущем, а сейчас я отдаю половину яблока Зобу, вторую съедаю сам. Затем жду, ибо знаю, что будет дальше.

Крепче сжал копьё. Зоб нетерпеливо топтался на месте. Мы знали: настало время пос-

ледного и самого главного боя. Когда край солнечного диска коснулся моря, оно, вздымаясь, покатило волны к берегу. Мы ждали, когда из пучины поднимется изъевшее весь мир, как нутро яблока, чудовище. Но кто из нас должен погибнуть? Быть может, я — причина всех бед, тот, кто сам не лишён пороков и передал их людям. Или новый идол? Если суждено согнуть мне — так и быть. Но после меня зацветёт мой сад, придёт тот, кто сорвёт яблоки. Он найдёт весы и копьё, оседлает моего коня и начнёт новый путь, захватив с собой столько яблок, сколько сможет унести, чтобы одарить нуждающихся в чуде.

Но сейчас передо мной враг. Конь ускоряется и переходит в галоп. Брызги летят из-под копыт, я твёрдой рукой направляю копьё в разинутую пасть чудовища. Мы вот-вот сойдёмся. И я пылаю в гневе и разрезаю море, и схожусь в неравной схватке, пытаюсь выяснить, чей голод сильней.

□

Артём Юрьевич ТИХОМИРОВ

родился в 1989 году в Тюмени.

Лауреат литературных конкурсов «Лёгкое перо» (2015 и 2017),

«Стилисты добра — 2019»,

конкурса молодых писателей (Великий Новгород, 2019),

а также конкурса журнала «Север» «Северная звезда» (2019)

в номинации «Проза».

Живёт в Тюмени.

В журнале «Север» публикуется впервые.

